

УДК 316.61

ПРОБЛЕМА ПОЗИТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ¹

© 2018 г. Т. Д. Марцинковская^{1), 2) *}, Е. А. Киселева^{1) **}

¹⁾ Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Россия

²⁾ ФГБНУ Психологический институт РАО; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, строение 4, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор.

E-mail: tdmartsin@gmail.com

** Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: vita_ek@mail.ru

Поступила 20.06.2016

Аннотация. Раскрываются понятия потребности в языке как мотивации не только к овладению иностранным языком, но и к использованию родного языка в иноязычной среде, и связи этого понятия с лингвистической идентичностью. Показывается связь между лингвистической, этнической и социокультурной идентичностью. Дается анализ роли потребности в языке и лингвистической идентичности в процессе социализации малых и больших народов в мультикультурном пространстве. Приводятся результаты эмпирического исследования отношения к языку и культуре молодежи, проживающей в Москве и республике Коми, а также этнической группы “русских немцев”. Доказывается, что специфичная социальная ситуация привела к изменению статуса языка и отношения к нему. При этом язык, даже не являющийся приоритетным, эмоционально остается феноменом этнической принадлежности. В многонациональных городах различия между этнической и социокультурной идентичностью невелики, при этом культура как позитивная составляющая социокультурной идентичности доминирует в большом городе, а ее влияние на этническую идентичность в данном случае носит амбивалентный характер.

Ключевые слова: социализация, социокультурная, этническая, лингвистическая идентичность, культура, язык.

DOI: 10.7868/S0205959218030078

ПОТРЕБНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Понятие “потребность в языке” (*language need*) относительно новое и в социолингвистике, и тем более в психологической науке. Как правило, типичным вариантом исследования “потребности в языке” было изучение мотивации к овладению вторым (и более) иностранным языком и использование его в новой ситуации, в новой стране, при коммуникации с носителями этого иностранного языка [13; 14]. В настоящее время речь идет уже не только о втором (не родном языке), но о родном языке как иностранном в иноязычной среде, а также, что особенно актуально, потребности в повышении статуса родного языка малых

народов, являющегося миноритарным по отношению к окружающему социуму [7; 24]. В то же время вопрос о роли языка (языков) по отношению к этнической и социокультурной идентичности не только не анализируется, но даже не обсуждается.

Актуализация потребности, с точки зрения психологии, проявляется в разнообразных ситуациях внешней стимуляции. В социолингвистике и частично в этнопсихологии такие ситуации исследовались. Внутренние же состояния человека, испытывающего эту потребность, его личностные смыслы, связанные с осознанием важности овладения и использования родного языка, являющегося миноритарным, представляют особую проблему и фактически до настоящего времени не изучались. Однако именно этот аспект исследования представляется особенно значимым, особенно в контексте современных социальных трансформаций [21].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 17-06-00077 “Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве”.

Значимость проблемы социализации в современном изменяющемся и мультикультурном пространстве связана не только с социальной транзитивностью, но и с расширением межличностной и межгрупповой коммуникации [2; 3; 4]. Глобализация и массовые миграции людей расширяют границы социализации и требуют как знания культуры, языка нового социального окружения, так и позитивного отношения к нормам и эталонам и своей, и чужой культуры [19].

Не случайно в последние годы вопрос конструирования лингвистической идентичности, прежде всего, лингвистической идентичности малых народов, становится одним из приоритетных направлений деятельности европейского сообщества. Не меньшее внимание уделяется вопросу о том, каким образом в содержании их лингвистической идентичности сочетаются государственный и миноритарные языки [1, 12]. При этом обращается внимание на желательность приоритетного развития социокультурной, а не этнической идентичности, обеспечивающей более благоприятное взаимодействие людей разных национальностей между собой.

Необходимо отметить, что положение о том, что язык может стать не только инструментом познания, но и образующей личности в рамках определенной культуры, было заложено в работах А.А. Потебни. Он был одним из первых отечественных исследователей, заговоривших о необходимости культурно-исторического подхода к психике человека [15]. Поэтому проблема развития народности и культуры занимала значительное место в его творчестве. Потебня писал, что основной вопрос самопознания “Что я такое?” для современного человека сводится к вопросу историческому “Как я, один из многих, стал таким?” При этом в осознании себя частью данного народа главную роль, с его точки зрения, играет язык, так как говорить, по его мнению, — значит связать свою мысль с мышлением своего племени или народа. То есть овладение языком ведет к осознанию эстетических и нравственных идеалов, поэтому связано с социализацией и инкультурацией личности, хотя и не тождественно этим процессам [15].

Овладение устной и письменной речью, которое дает возможность человеку приобщиться к культуре народа, происходит путем интериоризации знаний. Таким образом, психическое развитие культурного человека происходит путем присвоения внешних, общественных знаний, языка, норм, традиций, идеалов, которые хранятся в культуре данного народа, а переходя во внутренний план, интериоризируясь, и формируют личность.

ОТ ЯЗЫКА К КУЛЬТУРЕ

Работы Потебни заложили основания не только для лингвистических, но и для герменевтических подходов к проблеме личности, так как герменевтический подход использует в своей трактовке и личности, и искусства понятие внутренней формы слова. Обоснование и развитие этого подхода было дано в трудах Г.Г. Шпета.

Шпет считал язык выражением души, но выражением сверхличным, откристаллизованным, и потому объективным [20]. С точки зрения психолога, как раз не объективное, а субъективное в языке должно стать предметом исследования, а именно связь языка с эмоциями, переживаниями людей. Шпет подчеркивает, что для психолога язык — это, прежде всего, идея, энергия, которая определяет отношение человека к окружающему миру и его законам.

В отличие от Потебни, Шпет не переоценивал когнитивную сторону внутренней формы, подчеркивая ее эмоциональное значение. Введение понятия переживания и эмоционального отношения к предмету (норме, знанию), которое фиксируется во внутренней форме слова, имеет огромное значение не только для герменевтики, но и для психологии личности [20]. В работах Шпета вырисовывается и совершенно новый подход к роли эмоций в процессе инкультурации человека, так как он считает их одним из важнейших инструментов культурного развития. При этом сами продукты культуры являются медиаторами процесса социализации человека [20]. Отдаваясь наслаждению, человек бессознательно и непроизвольно преобразуется, у него формируется новое мировоззрение, новые идеалы. Вызываемые культурой “социальные эмоции” помогают социализации человека, регулируют процесс его вхождения в тот социум, который его окружает [9].

Шпет также неоднократно подчеркивал, что язык является орудием труда и творчества человека, выступая в то же время и знаком определенного социума. Человечество в процессе своего развития создает социально-культурный мир, существующий помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. При этом сам человек превращается в социально-культурного субъекта, рефлексы которого из чисто биологических актов трансформируются в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Поведение человека является некоторым знаком как для других людей, так и для него самого. Одним из важнейших знаков как раз и служит речь, анализ внутренней формы которой дает возможность понять

и индивидуальный мир человека, и коллективный внутренний мир группы людей, народа, его искусство [8].

Таким образом, Шпет пришел к выводу о том, что сознание индивида имеет культурно-исторический характер, важнейшим элементом которого является слово. В статье “Проблемы современной эстетики” он писал, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам этот мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, “овнешненное” в предметах культуры – картинах, архитектуре, музыке, и, особенно, языке. Таким образом, подчеркивал он, искусство является орудием, которое указывает на особый смысл, функцию предмета. Так Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духовных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте [20].

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В условиях транзитивного общества инкультурация, принятие и присвоение культуры являются одним из важных факторов, определяющих успешность социализации в новых условиях [5; 16]. Родная культура, язык “всасываются с молоком матери” с ранних лет и остаются неизменными даже тогда, когда меняются быт, мировоззрение, политические и экономические аспекты социальной ситуации. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий “восстановить связь времен”, именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя.

Поэтому именно культура может стать основой формирования социокультурной идентичности людей в новой ситуации. Так как формирование социокультурной идентичности невозможно без интериоризации внешних требований, превращения их в интенции, мотивацию и ценности людей, встает важнейший вопрос о психологических механизмах, которые способствуют переводу этих требований во внутреннюю структуру личности. Таким механизмом могут быть переживания (как положительные, так и отрицательные), которые возникают у человека по отношению к нормам,

ценностям и правилам, принятым в обществе. Эти переживания, в отличие от эмоций, опосредующих отношение человека к жизненно важным лично для него предметам (пища, опасность и т.д.), могут быть названы социальными [12].

В отличие от культуры, роль языка в процессе становления социокультурной идентичности неоднозначна [9]. По-видимому, можно говорить о сложной связи языка, культуры и идентичности (социокультурной, этнической, личностной, групповой и т.д.). С одной стороны, есть много примеров того, как люди, говорящие на другом языке, считали своей культуру, народ, язык которого знали плохо. С другой стороны, знание родного языка еще не гарантирует развитие социокультурной идентичности или, во всяком случае, ее устойчивое содержание. Известно, что в первую волну русской эмиграции люди, свободно владевшие иностранными языками, испытывали сильнейшую ностальгию по родной для них русской культуре, природе, языку. В то же время эмигранты, оказавшиеся в Европе после Второй мировой войны, часто совершенно не знавшие ни языка, ни культуры тех стран, в которые их забросила судьба, легко и быстро адаптировались в новых условиях.

Язык оказывает существенное влияние не только на этническую, социокультурную, но и на групповую идентичность. Групповая и социальная идентичность выражается, например, в лингвистических оборотах, синонимах, качестве самоописаний, раскрывающих (и выдающих) социальную принадлежность человека. И сегодня проблемы уходящего (исчезающего) и маргинального языка могут приводить к серьезным сдвигам в личностной и социальной идентичности, выражающиеся как в отказе от своей группы, так и, напротив, к замыканию в своей национальной культуре.

Представляется, что при изучении разных видов идентичности продуктивным является использование понятия социального капитала. Это понятие, достаточно распространенное в социологии, еще недостаточно операционализировано в психологии и потому мало используется. В этом направлении необходимо отметить работы Н.М. Лебедевой и ее сотрудников, которые используют понятие социального капитала при изучении общения и взаимодействия разных этнических групп. Однако эти работы, в том числе, и работы А.Н. Татарко, оставляют в стороне рассмотрение вопроса о роли культуры и ее составляющих, в частности, языка, в становлении не только личностной или этнической, но и социокультурной идентичности [17; 18].

Это понятие было введено социологом П. Бурдьё [6] и использовалось только для анализа

социальных связей, являющихся групповым ресурсом. Позднее, развивая идеи Бурдые и Д. Коулмана [11], А. Портес [22] пришел к выводу, что социальный капитал имеет не только положительные, но и отрицательные стороны, так как группа с высоким уровнем социального капитала достаточно закрыта и имеет высокий уровень социального контроля. Эти факторы не только мешают появлению в группе новых членов и/или появлению новых лиц, но и ограничивают свободу входящих в нее людей. Для психологии наиболее продуктивной представляется позиция Р. Патнэма [23] выделившего структуру социального капитала (социальные сети, социальные связи, доверие) и его индивидуальные индикаторы.

Для исследования разных видов идентичности большое значение имеет выделение связующего и вспомогательного социального капитала. Связующий социальный капитал объединяет людей внутри одной группы, помогая им достичь определенной цели или противостоять опасности. Таким образом, связующий социальный капитал укрепляет единство группы и помогает ее членам идентифицироваться с ней и друг с другом. Вспомогательный социальный капитал характеризует отношения между разными группами или между людьми, принадлежащими к разным группам. Он лежит в основе доверительного общения, обмена информацией и совместной деятельности людей из совершенно разных структур и групп.

Анализ роли социокультурной и лингвистической идентичности показывает, что они могут рассматриваться и функционировать и как связующий, и как вспомогательный капитал. В контексте монокультурной среды именно социокультурная идентичность, то есть отождествление себя с данной культурой, с конкретным социальным окружением, помогает установить доверительные контакты, так как идентичность предполагает взаимное принятие человека и группы. Такое взаимное принятие связано и с развитием положительных социальных эмоций к нормам и эталонам поведения, и к способам организации взаимодействия, конструированию новых контактов. Таким образом, в данной ситуации социокультурная идентичность функционирует как связующий капитал, особенно в тех случаях, когда необходима совместная деятельность, направленная на достижение значимой для общества цели или преодоление препятствий. В ситуации транзитивности связующий капитал может поддержать целостность идентичности людей, сохранить преемственность отдельных этапов

жизненного пути. Однако при существенных трансформациях такая форма социального капитала может стать источником отгороженности социальной группы, изоляции культуры от других социальных и культурных групп, связываться либо со стигматизированной, либо с агрессивной позицией по отношению к ним.

В этом плане гораздо более гибкой является лингвистическая идентичность, которая предполагает, прежде всего, возможность адекватной коммуникации между членами одной группы — языковой или социальной. Наличие смысловых доминант и жаргонных слов, наречий (или диалектов), также присутствующих в языке и входящих в лингвистическую идентичность, увеличивает доверительность контактов между членами группы и оптимизирует их взаимодействие.

Более оптимальным для внутригрупповых и для межгрупповых коммуникаций и взаимодействий в современном мире становится функционирование идентичности в контексте вспомогательного капитала. Постоянные изменения групповых и общественных структур предполагают гибкость как социокультурной, так и лингвистической идентичности, особенно при изменении места проживания и/или разносторонних и постоянных контактов с людьми, говорящими на другом (других) языке. При этом в рамках вспомогательного капитала не предполагается отказ от родного языка или культуры, как это подразумевается в классических концепциях идентичности, подразумевающих либо идентификацию с одной группой, культурой, языком либо маргинализацию человека. Исследование социокультурной и лингвистической идентичности в рамках вспомогательного капитала предполагает хорошее владение новыми знаниями, культурными эталонами и языком и способность к гибкому использованию имеющихся знаний при конструировании новых контактов и совместной деятельности с людьми, принадлежащими к другой культуре.

МЕТОДИКА

Целью данного исследования было изучение роли родного/родных языков и культуры в целом в процессе социализации в мультикультурном пространстве. Выборка: 150 человек из г. Москвы и Республики Коми (г. Сыктывкар и с. Визинга). В Москве принимали участие в исследовании 50 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. В селе Визинга принимали участие 48 школьников 8—10 классов в возрасте от 14 до 16 лет. В г. Сыктывкаре в исследовании принимали участие

молодые люди (51 человек) в возрасте от 15 до 25 лет и 27 человек в возрасте от 20 до 30 лет, входящие в культурное объединение “русских немцев”. При анализе лингвистической идентичности опрашивались также родители сельских и городских подростков.

Мы предположили, что в городах, разных по степени мультикультурности, у молодых людей роль языка в процессе социализации будет существенно изменяться. При этом главным параметром, с нашей точки зрения, становится не знание языка, но эмоциональное отношение к нему и его связь с общей культурой (национальной и мировой). Таким образом, идеи Г.Г. Шпета о связи лингвистической и социокультурной идентичности проверялись в современном мультикультурном пространстве. Проверялось и предположение, связанное с идеей А.А. Потемни о том, что более образованный и культурный человек более толерантно относится к другим народам и другим культурам.

Необходимостью разделения выборки именно по степени гомогенности-гетерогенности культуры и культурного (языкового) контекста и объясняется выбор мест проведения исследования. Этим же объясняется немногочисленность и неоднородность выборки, что не дает возможности ее статической обработки. Исходя из этого, было решено сфокусироваться на качественном анализе полученного материала.

Для исследования отношения к стране использовалась методика “Моя страна” [9];

Для исследования лингвистической идентичности использовалась методика “Отношение к родному и иностранному языкам” [9];

Для изучения содержания этнической и социокультурной идентичности применялась методика “Особенности этнической идентичности” [9];

Для изучения этнической идентичности и этноцентризма использовалась методика “Свои – Чужие” [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты, полученные при исследовании отношения к своей стране, показывают, что для большинства респондентов ведущим параметром, определяющим отношение к стране, оказывается не эмоциональный, но внешне-описательный (большая, многонациональная). Этот факт может быть связан с тем, что существовавший на протяжении многих лет опыт совместной жизни разных по культуре и укладу жизни народов во многом стер границы между социокультурной и этнической идентичностью (см. рис. 1). Необходимо также отметить, что сельские жители чаще, чем жители городов, упоминают свое эмоциональное и позитивное отношение к родине, употребляя такие эпитеты, как “родная”, “богатая”, “дружелюбная”, “развивающаяся”. Городские жители чаще, чем сельские, отмечают внешние признаки, такие как “многонациональная”, “уникальная”, “великая”.

По рисунку 2 видно, что большинство респондентов выбирают из всех определений своей страны

Рис. 1. Сравнение представлений о своей стране

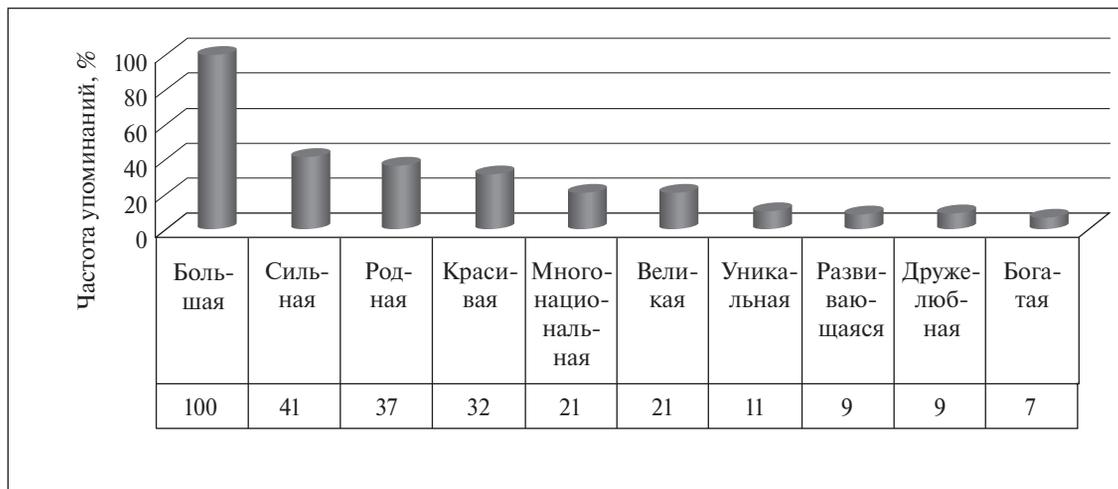

Рис. 2. Частота упоминаний представлений о своей стране

вариант “большая”. Данный эпитет чаще всех остальных упоминается на первом месте во всех регионах, у всех респондентов.

Похожая ситуация складывается и с эпитетом “многонациональная”. Замечено, что представители национальных меньшинств не только чаще употребляют последний термин, чем национальное большинство (русские), но и ставят его на 2 и 3 места. Представителями русской национальности он употребляется гораздо реже и имеет у них более низкий приоритет. Данный феномен можно объяснить тем, что национальное большинство реже сталкивается с нацменьшинством, с его языком, с его культурой, в то же время нацменьшинство постоянно ощущает влияние и присутствие русского языка и русской культуры. Остальные эпитеты, за исключением варианта “великая”, значительно уступают первым трем перечисленным.

Материалы, полученные при исследовании лингвистической идентичности, показали, что жители Республики Коми, родители, сельские и городские школьники, по-разному определили статус коми языка. Родным его считают 60% родителей, 24% сельских школьников и 0% городских школьников. Исторически коми язык потерял свою массовость. Во времена СССР коми язык был запрещен на государственном уровне ввиду унификации всего советского пространства. Поэтому сейчас существует острая проблема сохранения культуры коми и особенно коми языка. Материалы исследования показывают, что городские школьники уже потеряли язык, сельские школьники и родители также постепенно его теряют.

В Москве в качестве родного языка однозначно превалирует русский (рис. 3). В национальном районе (Республика Коми) также большинство выбрали русский язык, но значительно и присутствие других языков. Некоторые респонденты выбирали два родных языка, как правило, русский на первом месте и язык своей национальной группы на втором. Особенно хорошо заметно сочетание нескольких родных языков в городе Сыктывкаре. Это связано с историей города, в который было сослано много людей разных национальностей. В сельской местности коми язык упоминается часто, но абсолютное большинство представило его как второй родной, отдавая предпочтение в повседневном общении русскому языку. Коми язык используется в семье и в общении со старшим поколением.

Изучение эмоционального отношения респондентов к русскому и второму родному языкам показало, что позитивное принятие русского языка значительно выше, чем второго языка. Это различие особенно ярко видно в отношении коми языка у групп городских и сельских школьников. Также можно заметить, что чем младше группа, тем более явной становится разница в отношении к обоим языкам.

Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты четко осознают роль второго языка, который нужен для общения с людьми одной культуры, близкими людьми, родственниками (социальные сети, семья). В то же время 60% российских немцев отметили и связь языка с родной культурой. Язык, по их мнению, помогает им в осознании своей национальной и культурной принадлежности. Только 20% респондентов отметили значение языка для общения и столько же — его использование в профессиональных целях.

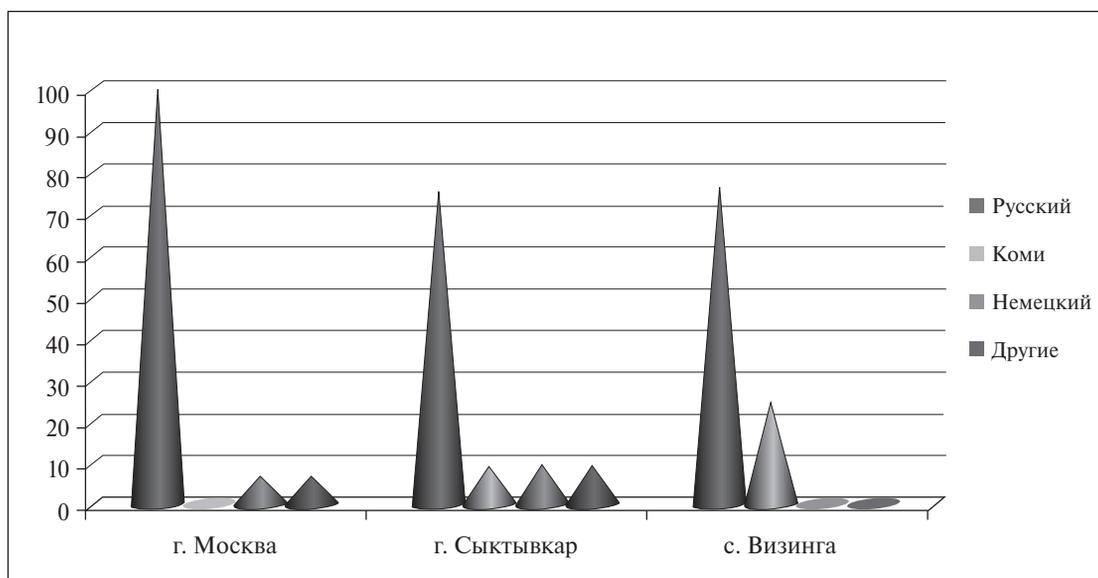

Рис. 3. Мой родной язык

На вопрос, связывает ли респондент свое будущее со вторым языком, были получены следующие ответы: 88% как городских, так и сельских школьников ответили отрицательно, а российские немцы – положительно. Эта разница ярко характеризует разный статус второго языка у коми и российских немцев. В первом случае речь идет об отмирающем языке с низким статусом, что рефлексировано всеми, в том числе, и взрослыми, респондентами. Во втором случае речь идет о престижном, с точки зрения социального окружения и будущего трудоустройства, немецком языке.

При этом, несмотря на выбор русского как родного языка, респонденты указывали свою национальность не как “русский”, но как “коми” и “немец”, даже если плохо владели своим родным языком. Это говорит о слабой связи лингвистической и этнической идентичности. Таким образом, можно говорить о том, что язык, хотя и не является определяющим при становлении этнической идентичности, но может в некоторой степени влиять на содержание социокультурной идентичности, как один из параметров, входящих в ее содержание.

Полученные данные показывают, что у абсолютного большинства респондентов позитивное отношение к своей культуре. В ответах на вопрос “Моя культура помогает мне...” они указывали: “развиваться”, “жить”, “общаться”. Эти данные также подчеркивают ведущую роль культуры в становлении социокультурной идентичности и общем личностном развитии (рис. 4). Лишь небольшое число респондентов связывают культуру с этнической идентичностью (преимущественно в г. Сыктывкар), что связано

со стремлением к общению с людьми своего языка, своего народа.

Около 50% отвечавших отметили, что их культура им ни в чем не мешает. В маленьком поселении число таких ответов намного больше, чем в городах, возможно, в связи с тем, что другие культуры, кроме коми и русской, там почти отсутствуют. Напротив, в Сыктывкаре, где наблюдается очень большое разнообразие культур, этот показатель самый низкий. В ответах на этот вопрос многие респонденты указали, что культура мешает общаться с другими народами. Таким образом, можно говорить о том, что в этом случае язык отождествляется с культурой (рис. 5). В многонациональных городах различия между этнической и социокультурной идентичностью невелики и связаны преимущественно с языком, на котором общаются близкие люди. В небольшом поселении культура воспринимается как естественный фон развития и сливается с общей социальной ситуацией, а в средних городах и мегаполисе культура может рассматриваться и как помеха для познания других народов и общения с людьми, говорящими на ином языке.

Интересно, что негативные определения своей культуре дали только жители Москвы, а нейтральных характеристик у них значительно больше, чем у респондентов из Сыктывкара и Визинги, где преобладают положительные характеристики своей культуры и народа.

Полученные при помощи этой методики результаты дополняются данными, полученными при изучении отношения к своему и чужим народам.

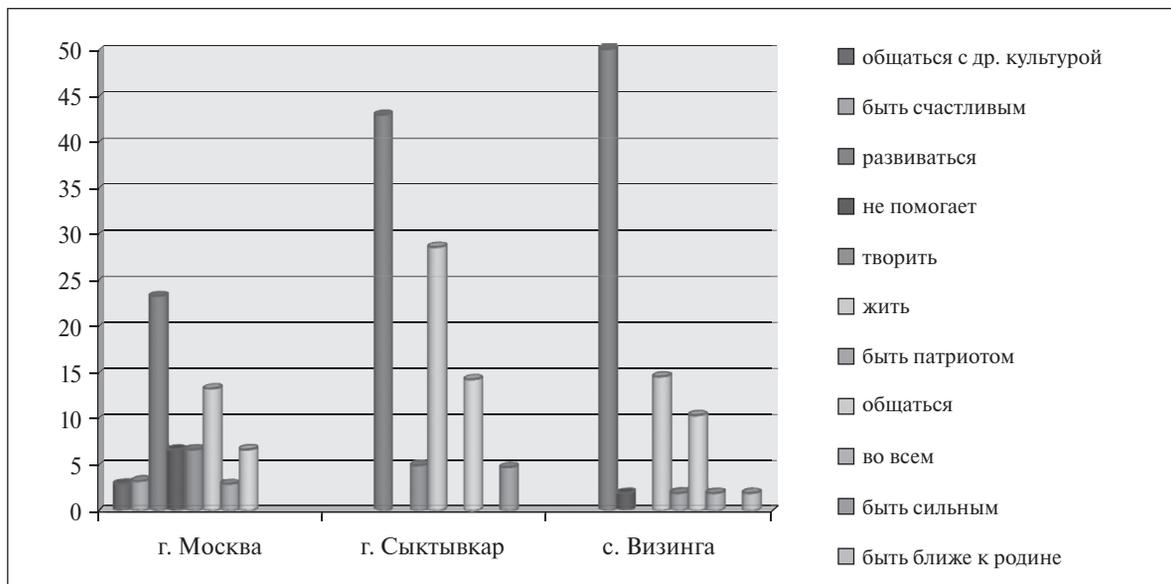

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос "Моя культура помогает мне..."

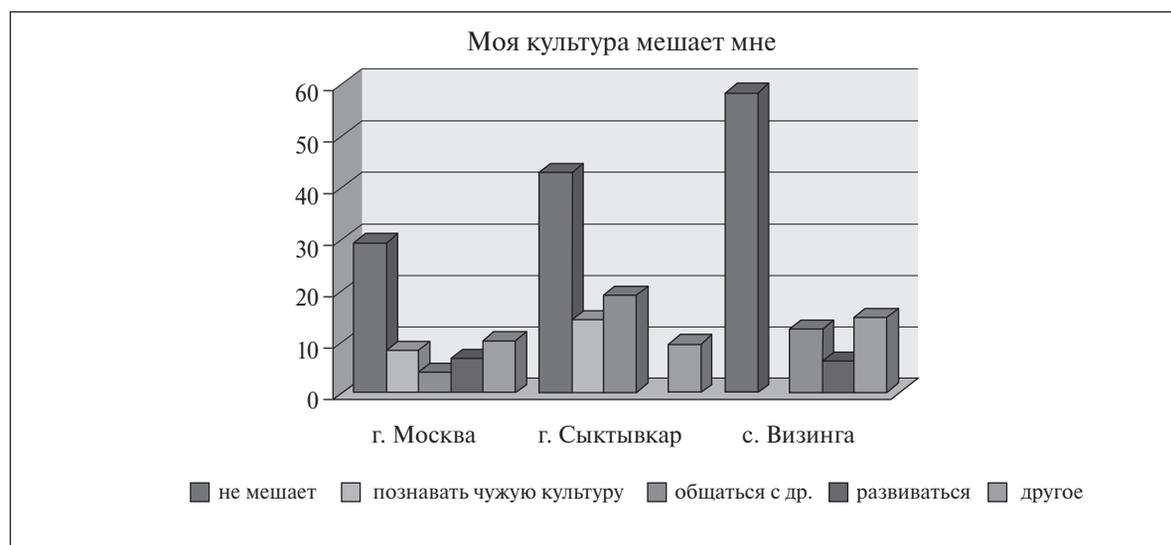

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос "Моя культура мешает мне..."

В ответах на вопрос о том, кого можно отнести к представителям своей культуры, большинство респондентов указало на русских и представителей своей национальности (коми, немец). К близким этносам чаще всего относят родственные русскому народы. Это украинский и белорусский этносы. Иногда упоминают другие народы России и народы Европы.

Описание своего и близких народов при сравнении с "чужими" всегда позитивное лишь с редкими нейтральными определениями. Негативные полностью отсутствуют. Это говорит об идеализированном представлении молодежи о своем

этносе, особенно при сравнении с другими. Примечательно, что в отношении к стране присутствуют негативные и критические описания, но в отношении к своей родной национальности они полностью отсутствуют.

Представления о "чужих" кардинально отличаются от позитивных представлений о своем народе (рис. 6).

Число респондентов, давших позитивные определения в отношении "чужих", по сравнению к "своим", было значительно меньше, всего 17%. 31% респондентов дали нейтральные оценки, не высказав ни положительного, ни отрицательного отношения

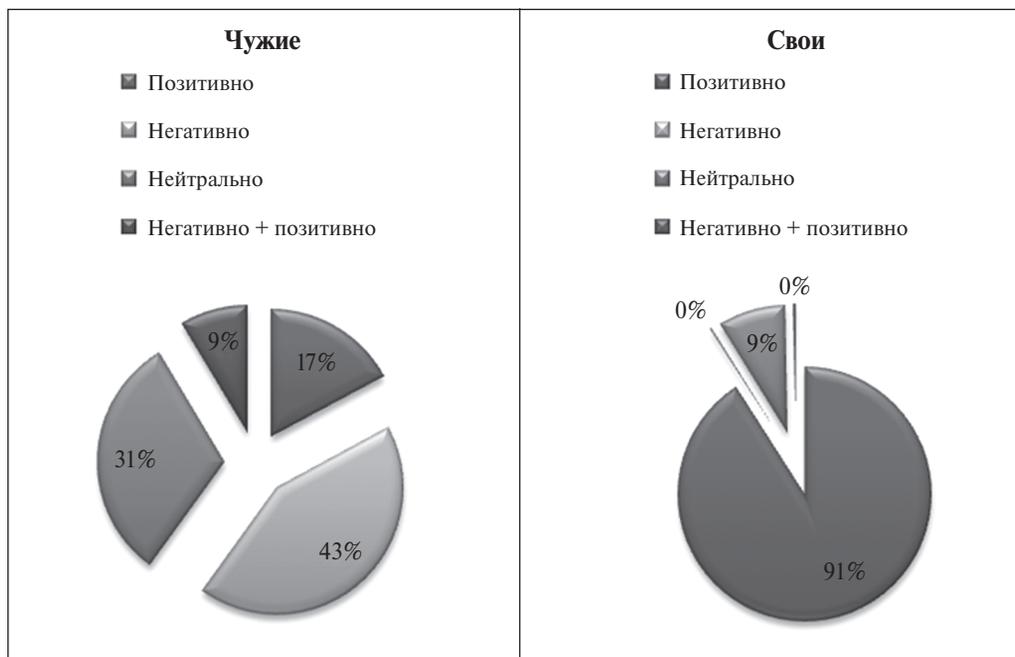

Рис. 6. Результаты методики “Свои-Чужие”

к чужой национальности. 9% опрошенных дали смешанные ответы. Они отмечали у “чужих” этносов как положительные, так и негативные черты. 43% респондентов дали негативные определения. Полученные результаты являются показателями выраженного этноцентризма, который проявляется в том, что чужие описываются большим числом негативных характеристик, в отличие от своих, которые характеризуются только положительно, что говорит о наличии этнических стереотипов и предубеждений. Невысокая связь культуры с этнической идентичностью может стать причиной негативного отношения к другим, “чужим” народам, которые рассматриваются как носители отрицательных черт, а не носители другой, но тоже интересной культуры. Этот феномен во многом связан с тем, что и свой народ рассматривается не с точки зрения культурной составляющей, но с позиции эмоционального отношения к идеализированным положительным характеристикам.

ВЫВОДЫ

Предположения об актуальности идей А.А. Потемни и Г.Г. Шпета о роли языка и культуры в процессе современной социализации подтвердились, подтвердилось также предположение о необходимости модификаций этих концепций при использовании в современной методологии.

В небольших моноэтнических поселениях отношение к стране и культуре более эмоционально

насыщенное и позитивное, чем в городах и, особенно, мегаполисах.

Представители нацменьшинств чаще, чем представители титульной нации, используют в описании страны эпитеты, связанные с многообразием национальностей и культур.

Изменение статуса языка малых народов и национальных меньшинств влечет за собой изменение отношения к языку, особенно у молодых респондентов. Ими ясно осознается социальный статус языка, достаточно высокий в отношении немецкого языка и невысокий у коми языка. Это приводит, особенно в многонациональных небольших городах, к появлению стигматизированной лингвистической идентичности.

Язык, даже не являющийся приоритетным, эмоционально остается ведущим параметром этнической идентичности, но часто не соотносится с социокультурной идентичностью и даже с культурой народа в целом.

Тревожным фактом является ярко выраженный этноцентризм, присутствующий в ответах большого числа респондентов независимо от места их проживания.

Этнические и лингвистические аспекты культуры могут позиционироваться как интолерантные параметры, препятствующие развитию социокультурной идентичности в мультикультурном пространстве города.

Культура как позитивная составляющая социокультурной идентичности доминирует в большом городе, при этом ее влияние на этническую идентичность носит амбивалентный характер.

Культура является важной составляющей социокультурной идентичности, но в незначительной степени определяет этническую, что затрудняет социализацию и позиционирование в мультикультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Г.М.* Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.10.17)
2. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
3. *Белинская Е.П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.
4. *Белинская Е.П., Дубовская Е.М.* Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. N5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.10.17).
5. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М.: Академия, 2001.
6. *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
7. *Вио А.* Социолингвистические параметры карельского языка: между языковой потребностью и легитимностью. Психологические исследования. 2013. Appendix 6(30) (дата обращения: 17.10.17)
8. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
9. *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
10. Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик под ред. Марцинковской Т.Д. // МПГУ, 2015.
11. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
12. *Марцинковская Т.Д.* Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.10.17).
13. *Москвичева С.А.* Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между “кодифицированным вариантом” и “литературным языком” // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.10.17).
14. *Москвичева С.А.* Категория полисемии через призму сущностных характеристик языкового знака // Психологические исследования. 2010. N2(10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.10.17).
15. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
16. Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
17. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М.: Изд-во РУДН, 2009.
18. *Татарко А.Н.* Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: Макс-пресс, 2011.
19. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
20. *Шпет Г.Г.* Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.
21. *Юревич А.В.* Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 68–77.
22. *Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
23. *Putnam R.D.* Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. 2002, New York: Oxford University Press.
24. *Viaut A.* Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, Pessac, 2014.

THE PROBLEM OF POSITIVE SOCIALIZATION IN MODERN MULTICULTURAL WORLD¹

T. D. Martsinkovskaya^{1), 2), *}, E. A. Kiseleva^{1) **}

¹⁾ Institute of psychology named after L. Vygotsky, Russian State University for the humanities,
125993, Moscow, Miusskaya sq. 6, Russia

²⁾ Federal State-Financed Scientific Establishment "Psychological Institute RAE",
125009, Moscow, Mokhavaya str., 9-4, Russia

*Sc.D. (psychology), professor
tdmartsin@gmail.com

**Ph.D. (psychology), associate professor
vita_ek@mail.ru

Received 20.06.2016

Abstract. Concepts "need for language" and "linguistic identity" is revealed, communication between linguistic, ethnic and sociocultural identity is shown. The analysis of need for language and linguistic identity role in the course of socialization of the minor and title nations in multicultural space is given. Results of empirical research of the attitude to language and culture of the youth from Moscow, Komi Republic and ethnic group of "the Russian Germans" are given. It is proved that the specific social situation has led to change of the language's status and the attitude towards it. At the same time the language which even isn't priority emotionally remains a phenomenon of an ethnic identity. In the multinational cities distinctions between ethnic and sociocultural identity are small, at the same time the culture as a positive component of sociocultural identity dominates in the big city, but it's influence on ethnic identity has ambivalent character.

Keywords: socialization, sociocultural, ethnic, linguistic identity, culture, language.

REFERENCES

1. *Andreeva G.M.* Prezentatsii identichnosti v kontekste vzaimodeistviya // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2012. V. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.10.17) (in Russian).
2. *Bauman Z.* Tekuchaya sovremennost'. St. petersburg: Piter, 2008. (in Russian).
3. *Belinskaya E.P.* Chelovek v izmenyayushchemsya mire – sotsial'no-psikhologicheskaya perspektiva. Moscow: Prometei, 2005. (in Russian).
4. *Belinskaya E.P., Dubovskaya E.M.* Izmenchivost' i postoyanstvo kak faktory sotsializatsii lichnosti [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.* 2009. N5(7). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.10.17) (in Russian).
5. *Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A.* Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. Moscow: Akademiya, 2001. (in Russian).
6. *Burd'e P.* Formy kapitala // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. V. 3. № 5. P. 60–74. (in Russian).
7. *Vio A.* Sotsiolingvisticheskie parametry karel'skogo yazyka: mezhdz yazykovoi potrebnost'yu i legitimnost'yu. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2013. Appendix 6(30) (in Russian).
8. *von Humboldt W.* Yazyk i filosofiya kul'tury. Moscow: Progress, 1985. (in Russian).
9. *Dontsov A.I., Stefanenko T.G., Utaliev Zh.T.* Yazyk kak faktor etnicheskoi identichnosti. *Voprosy psikhologii*. 1997. № 4. P. 75–86 (in Russian).
10. Identichnost' i sotsializatsiya v sovremenno m mire. Sbornik metodik Ed. Martsinkovskoi T.D. //MPGU, 2015. (in Russian).
11. *Koulman Dzh.* Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 3. P. 121–139. (in Russian).
12. *Martsinkovskaya T.D.* Sotsial'noe prostranstvo: teoretiko-empiricheskii analiz // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2013. V. 6. № 30. P. 12. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.10.17). (in Russian).
13. *Moskvicheva S.A.* Sinkhronicheskie i diakhronicheskie modeli yazykovoi normy: minoritarnyi yazyk mezhdz "kodifitsirovannym variantom" i "literaturnym yazykom" // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2015. V. 8. № 42. P. 10. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.10.17). (in Russian).
14. *Moskvicheva S.A.* Kategoriya polisemii cherez prizmu sushchnostnykh kharakteristik yazykovogo znaka. // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2010. N2(10). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.10.17). (in Russian).
15. *Potebnya A.A.* Estetika i poetika. Moscow: Iskusstvo, 1976. (in Russian).
16. *Sotsial'naya psikhologiya v sovremenno m mire.* (Ed. G.M. Andreevoi i A.I. Dontsova). Moscow: Aspekt Press, 2002. (in Russian).
17. *Tatarko A.N., Lebedeva N.M.* Sotsial'nyi kapital: teoriya i psikhologicheskie issledovaniya. Monografiya. Moscow: Izd-vo RUDN, 2009. (in Russian).
18. *Tatarko A.N.* Sotsial'nyi kapital kak ob'ekt psikhologicheskogo issledovaniya. Moscow: Izd-vo "Maks-press", 2011. (in Russian).
19. *Khabermas Yu.* Filosofskii diskurs o moderne. Moscow: Ves' mir, 2003. (in Russian).
20. *Shpet G.G.* Filosofiya i psikhologiya kul'tury. Moscow: Nauka, 2007. (in Russian).
21. *Yurevich A.V.* Proyavleniya agresivnosti v sovremenno m rossiiskom obshchestve kak psikhologicheskaya problema / *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. № 3. V. 35. P. 68–77. (in Russian).
22. *Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
23. *Putnam R.D.* *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. 2002, New York: Oxford University Press.
24. *Viaut A.* Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. *Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine*, Pessac, 2014.

¹The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Foundation for the Humanities 17-06-00077 "The problem of a linguistic identity in a multicultural space".